

Семантическая структура аориста в современном сербскохорватском языке
в свете данных ведийского санскрита

Предметом нашего исследования является семантика аориста в современном сербскохорватском языке (славянская группа индоевропейской семьи). Современный сербскохорватский язык является языком с так называемым «расширенным перфектом» [Плунгян 2016]: аорист в нём ограничен в употреблении разговорным регистром и языком художественной литературы, но и в этих случаях он остаётся факультативным и всегда может быть заменён на более нейтральный перфект. В грамматических описаниях и работах славистов можно найти следующие значения, выделяемые у аориста: совершившееся действие в прошлом; действие, завершённое непосредственно перед моментом речи; действие, которое совершилось задолго до момента речи. Второе из этих значений характерно для диалога, третье — для нарратива. В качестве компонентов значения, релевантных для описания семантики аориста, выделяют также засвидетельствованность события, «экспрессивность», эмоциональность высказывания. Наконец, в работах последних десятилетий для аориста выделяется значение текущей релевантности [Ашић, Станојевић 2007] и миративное значение [Керкез 2012]. Приведённые значения выглядят разнородными и трудно совместимыми друг с другом, а последние два типологически характерны для перфекта, а не для претерита. Аорист же в сербскохорватском используется в нарративе и легко образует нарративные цепочки, что исключает его интерпретацию как формы с чисто перфектной семантикой [Dahl, Hedin 2000], по случайности получившей ярлык ‘аорист’.

Мы предлагаем следующую структуру семантики аориста. В качестве базового значения аориста мы принимаем комбинацию перфективности, плана прошедшего времени и эвиденциально-эпистемического значения засвидетельствованности. В статье [Stanojević, Geld 2011] последний компонент семантики сербскохорватского аориста охарактеризован удачным термином «epistemic immediacy». В режиме нарратива «epistemic immediacy» манифестируется как «экспрессивность», эмоциональность повествования, при том что временной интервал между временем повествования и излагаемыми событиями может быть сколь угодно велик. Возникающее у аориста в дискурсе значение недавнего прошлого объясняется следующим образом: если событие концептуализируется как локализованное в замкнутом интервале, помещённом в план прошедшего [Klein 1994], и при этом воспринимается и презентуется говорящим как засвидетельствованное, «пережитое», можно сделать вывод о том, что это событие ещё свежо в его памяти и высока вероятность, что оно произошло в недавнем прошлом. Семантический компонент ‘недавнее прошлое’ мы считаем отправной точкой для развития значения текущей релевантности и миративного значения. Дальнейшее развитие могло пойти двумя путями: а) событие в недавнем прошлом → наличие релевантных последствий → значения текущей релевантности; б) событие в недавнем прошлом → новизна → событие не интегрировано в картину мира одного из локуторов → миративное значение.

В качестве типологической параллели, подтверждающей вероятность такого развития, приведём материал ведийского санскрита (индийская группа индоевропейской семьи). В санскрите, как и в сербскохорватском, аорист и имперфект противопоставлены перфекту по оппозиции засвидетельствованность ~ незасвидетельствованность [Носк 2012]. Следует оговорить, что в ведийском санскрите основной нарративной формой является не перфект, как в сербскохорватском, а имперфект, и есть основания считать, что

ведийский аорист противопоставлен имперфекту по оппозиции перфективность ~ нейтральность (неохарактеризованность по перфективности / имперфективности) [Dahl 2010]. По нашему мнению, этот факт не должен быть существенным препятствием для сопоставления аориста в двух языках.

Как показало исследование [Dahl 2013], характерное для аориста в ведийском санскрите значение действия, совершившегося в недавнем прошлом, развилось у него не сразу, возникнув как прагматическая импликатура из простой комбинации перфективности и плана прошедшего времени. Если в ранневедийский период аорист обозначал действие в прошлом безотносительно к его удалённости от момента речи, то в средневедийский период аорист «обычно используется для обозначения ситуации, имевшей место в объективно недавнем прошлом или непосредственно перед моментом речи» [Dahl 2013: 285]. Анализ приводимых автором примеров (1) и (2) демонстрирует значение текущей релевантности (1) и миративное значение (2).

(1) {Яма умер IPF. Боги утешали IPF Ями. Когда её попросили IPF [забыть его],}
 sã abravīd adya **amṛta** iti
 3F.NOM сказать.3SG.IPF.ACT сегодня умереть.3SG.AOR.MED Q
 ‘она сказала: «[Только] сегодня **умер!**»’

(2) {Праджапати произвёл IPF потомство. Это порождение умыкнули IPF Индра и Агни.}
 so ’cāyat prajāpati-s
 3M.NOM заметить.3SG.IPF.ACT Праджапати-NOM.SG

indrāgn-ī vai me prajā
 Индра.и.Агни-NOM.DU воистину я.GEN.SG потомство.ACC.PL

apāghukṣatām iti
 умыкнуть.3DU.AOR.ACT Q
 ‘Этот Праджапати заметил IPF: «Индра и Агни **умыкнули** AOR моё потомство!»’

Выраженное аористом событие ‘умер’ в примере (1) является классическим примером события, имеющего актуальный результат для говорящего, ср. обсуждение в [Dahl 1985: 135]: «... if a person dies, the result in the narrow sense is that he is dead: the results in the wider sense include e.g. his relatives being sad». Глагол ‘умыкнули’ в форме аориста в (2) также называет событие, имеющее актуальный результат для говорящего, и вместе с тем обозначает событие, о котором Праджапати только что узнал, ещё не интегрированное в его картину мира. Таким образом, материал ведийского санскрита подтверждает возможность (параллельного) возникновения значения текущей релевантности и миративного значения у формы аориста, охарактеризованной как засвидетельствованная. В то же время более распространённый паттерн — это последовательное возникновение данных значений у формы перфекта, охарактеризованной как незасвидетельствованная [Anerson 1986].

Возникает вопрос о том, насколько может быть распространён приводимый нами здесь паттерн развития. Этот вопрос заслуживает дальнейшего исследования. Однако здесь мы вынуждены ограничиться констатацией того, что такая модель развития в принципе возможна.

Список глосс:

3 — 3 лицо, ACC — винительный падеж, ACT — активный залог, AOR — аорист, DU — двойственное число, F — женский род, GEN — родительный падеж, IPF — имперфект,

М — мужской род, MED — медиальный залог, NOM — именительный падеж, PL — множественное число, Q — цитативная частица, SG — единственное число.

Ашић Т., Станојевић В. О употреби глаголских времена у разговорном српском језику — зашто аорист ипак опстаје? // Српски језик, књижевност и уметност. Зборник радова са научног скупа одржаног на Филолошко-уметничком факултету у Крагујевцу (31.X – 01.XI 2006). Књ. 1: Српски језик и друштвена кретања / Р. Симић (одг. уред.). Крагујевац: Филолошко-уметнички факултет, 2007. С. 155–170.

Керкез Д. Претеритална времена и неочекиваност у српском језику (у поређењу са руским) // Српско језичко наслеђе на простору данашње Црне Горе и српски језик данас. Зборник радова са Међународног научног скупа одржаног у Херцег Новом 20-23 априла 2012. године / Ј. Стојановић (гл. и одг. уредник). Никшић: Матица српска у Новом Саду, 2012. С. 459–468.

Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира: Предисловие. *Acta Linguistica Petropolitana. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта.* Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова (отв. ред.). СПб.: Наука, 2016. С. 7–36.

Anderson L. Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular symmetries // *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology* / Wallace L. Chafe, Johanna Nichols (eds.). Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 273-312.

Dahl E. Time, tense and aspect in Early Vedic Grammar: Exploring inflectional semantics in the Rigveda. Leiden — Boston: Brill, 2010.

Dahl E. Typological change in Vedic: The development of the Aorist from a perfective past to an immediate past // *Diachronic and Typological Perspectives on Verbs* / F. Josephson, I. Söhrman (eds.). Amsterdam - Philadelphia: John Benjamins B.V., 2013. P. 261-298.

Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event reference // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / Ö. Dahl (ed.). Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2000.

Hock H. H. Sanskrit and Pāṇini – Core and Periphery // *Saṃskṛtavimarśaḥ*. 2012. No. 6. P. 85-102.

Klein W. Time in language. London: Routledge, 1994.

Stanojević M. M., Geld R. New Current Relevance in Croatian: Epistemic Immediacy and the Aorist // *Cognitive Approaches to Tense, Aspect and Epistemic Modality* / F. Brisard, A. Patard (eds.). Amsterdam - Philadelphia: John Benjamins Company, 2011. P. 159–179.